

1. ОДИНОЧЕСТВО

- Ха-ха! Наконец-то! Я тебя так давно ждал, проходи скорее. — Его лицо расплылось в довольной улыбке, открыв при этом странные, острые как бритва зубы. — Давно не виделись, верно? Так давно, что я даже забыл, как ты выглядишь!

Каждая фраза сопровождалась жестами, взмахом руки с необычными знаками на ладони, щелчком тонких и длинных пальцев или отвратительным причмокиванием.

- Ну что же, нам есть что обсудить. Ведь мы так давно не виделись! Ты все пропадал со своими новыми друзьями, неужели у тебя не было времени встретиться со мной? Не желаешь ли чаю?

Я не помню, когда все это началось, слишком много времени прошло с тех пор. Жил я один, это было тяжело, но терпимо. Я не желал больше с кем-либо общаться, ведь это лишь пустая трата времени. Так думал я раньше. Но судьба не прощает таких ошибок.

И оно все-таки пришло. Оно пришло ко мне в дом внезапно. Тогда я подолгу любил сидеть в кресле и, глядя в открытое окно, читать какую-нибудь увлекательную книгу. Это скрашивало мои серые дни и могло продолжаться бесконечно. Оно пришло без стука, без лишних звуков и разговоров. Оно просто пришло и уселось в соседнее кресло. Я тогда вовсе не удивился его приходу. Мне было не до этого — ведь я перечитывал давно забытого и некогда завлекшего меня в свой мир приключений Жюль Верна. Я не обращал на его присутствие ровно никакого внимания. А оно не создавало мне никаких проблем: не было слишком любопытным или болтливым, что так присуще людям. Тогда оно было лишь обычным черным пятном от пролитого чая на

подлокотнике кресла. Я также не удивился, когда оно преобразилось в старую шляпу, которая преспокойно лежала все на том же подлокотнике.

Однажды, когда я сидел за очередной книгой и читал, уже даже не вникая в суть написанного, мое внимание привлек внезапно раздавшийся громкий хлопок. Я оторвался от чтения и взглянул на соседнее кресло. В кресле сидела полная копия меня. Все отличие было лишь в старой шляпе, небрежно сдвинутой на самый затылок. Существо радостно улыбалось и хлопало в такт настенным часам. Целых два дня оно молчало, лишь только беспрестанно улыбаясь. Признаюсь, в тот момент мне было немного не по себе от всего этого. Я даже думал сходить к психологу, но входная дверь странным образом исчезла из поля моего зрения, и мне пришлось вновь вернуться к чтению.

Так прошло целых два дня. Они тянулись мучительно долго и были такими же серыми и пасмурными, как всегда. Но на следующий день что-то переменялось. С самого утра третьего дня я почувствовал что-то непривычное. Возможно, причиной являлся громкий звон посуды на кухне. Не до конца проснувшись и не осознавая всю комичность ситуации, я поплелся в сторону кухни. Передо мной вновь стояло «оно» — все та же полная копия меня, но только в изношенной шляпе. Оно аккуратно помешивало сахар в небольшой чашке с теплым чаем. Впервые за все время копия заговорила: «Привет! Не желаешь ли чаю?» Не дожидаясь ответа, оно протянуло мне руку. Я удивленно пожал ее, все еще не до конца понимая, что происходит. Рука была холодной, цепкие длинные пальцы неприятно сдавили мою ладонь. Я не уверен, что когда-нибудь забуду это странное рукопожатие. «Я

Одиночество! — с довольным видом произнесло оно, учтиво приподняв шляпу. — Ты ведь любишь чай?»

Моя жизнь преобразилась, и привычный ее ход сильно изменился. Меня уже больше не смущала дверь, которая то и дело исчезала, стоило только мне направиться в сторону выхода. Ну и пусть, желание выходить на улицу все равно давно прошло. Я совершенно забросил чтение книг и все меньше смотрел в окно. Ведь там ничего не было — лишь мрачные тучи, затянувшие небо, да посеревшие стены соседних зданий. Целые дни напролет я общался с моим новым знакомым — Одиночеством. Мы не обсуждали погоду или политику, как это принято у людей. Никакой литературы и музыки, которая так сейчас популярна. Ничего. Лишь чай да разговоры о том, как же все-таки чудесно быть одному.

Любимым занятием Одиночества было бить посуду.

«На счастье!» — радостно кричало оно, разбивая очередную тарелку.

Я долго не мог понять, зачем это нужно. Но со временем и я вошел во вкус. Мы часами могли стоять у окна и кидать посуду. Смотреть, как она стремительно летит вниз, а затем разбивается вдребезги. Я не знал, зачем я это делаю, но мне это нравилось. Одиночество было в восторге, оно просто торжествовало! Улыбка, не сходящая с его лица в такие моменты, внушала необъяснимый страх. Это была уже далеко не улыбка, а ужасная ухмылка, открывающая острые зубы. Проворные пальцы не переставая брали новые тарелки и чашки — все, что только могло биться. Вот уже полетела вниз и моя любимая чашка, некогда подаренная мне моей девушкой. Мне все меньше нравилась эта идея. Темнота сгущалась вокруг меня, а хитрое Одиночество менялось на глазах.

В тот день небо было чуть яснее, но дождь лил как из ведра. В ожидании я сидел у своего компьютера, слушая отвратительный смех Одиночества, которое стояло у окна и, довольно потирая руки, смотрело, как маленькая птаха тщетно пыталась скрыться от губительных капель дождя. На душе было гадко, нужно было срочно искать выход. Я в полной мере осознал свою ошибку. Одно новое сообщение высветилось на мониторе ноутбука. Сердце мое замерло. Выход был найден! Все могло бы измениться в одночасье.

У моего давнего институтского друга намечалась свадьба — торжественное событие для него и мое спасение из сложившейся ситуации. С надеждой я бросился собираться. Мне нужно было уйти отсюда. Любой ценой, лишь бы уйти. Входная дверь услужливо появилась передо мной. Я дернул за дверную ручку, и что-то острое впилося в мое плечо. Самая страшная вещь на свете не желала отпускать меня, но и я не намерен был сдаваться. Своими длинными холодными лапами Одиночество всеми силами пыталось оттолкнуть меня от двери. Причмокивая и хрипя, оно пыталось закрыть единственный путь к спасению. Надежда в моем сердце не угасала, и я боролся как мог. Одиночество оттаскивало меня все дальше и дальше от двери. У меня не было больше сил, чтобы цепляться за дверную ручку. Может быть, это и спасло меня. Я до сих пор не знаю, что именно послужило моим спасением: до последнего не угасающая надежда на победу или же разочарование в том, что проигрыш очевиден.

Поддавшись желанию поскорее покончить с этим, я разжал руку. Тварь явно не ожидала такого исхода и, не удержавшись, повалилась на перевернутое в борьбе кресло. Неловкий шаг назад к открытому окну, нелепое движение в попытке спастись — и порождение хаоса уже

летит вниз, подобно моей любимой чашке. Стремительно падает вниз, уменьшаясь в размерах и вновь становясь лишь обычной старой шляпой.

Любые, даже самые темные времена рано или поздно проходят, но я знаю, что создание, которое я встретил, нельзя победить ни одним из известных человеку способов — избавиться от него невозможно, а забыть навсегда не в силах никто. И вот вновь я иду к давно забытому, но все еще мешающему мне спокойно жить Одиночеству — самому моему сокровенному страху и самой большой опасности. Иду в надежде не просто забыть про него, не просто научиться уживаться с ним, а покончить с ним раз и навсегда!

- Не желаешь ли чаю? — спрашивает меня оно с улыбкой, оскалив свои блестящие и смертельно острые зубы.

- О, нет, — отвечаю я с мрачной ухмылкой. - Есть вариант получше.

8. РИСУНКИ КАРАНДАШОМ

Я аккуратно провожу изящные плавные линии остро отточенным совершенно новым карандашом. Я рисую. Я не художник, и «рисовать» — это громко сказано. Однако рисование карандашом меняет все. Не обязательно быть художником или долго учиться этому мастерству — важно лишь рисовать карандашом.

Из-под него выходят самые разные творения: огромные дворцы и маленькие лачуги, кровожадные драконы и великие войны. Человеку, хоть раз взявшему в руки карандаш, доступны чудесные и безграничные миры.

Словно наркотик, карандаш начинает управлять твоей рукой самостоятельно, и ты уже не в силах прекратить рисовать. Это уже не

просто непонятные картинки — все превращается в зарождающиеся произведения искусства. Ты не рисуешь, нет, ты пишешь, пишешь по белой, как облако, бумаге. Прорисовываешь каждое действие в своем новом мире, созданном только тобой и живущим только благодаря тебе и карандашу.

Далее возникает странное противостояние — битва между добром и злом, светом и тьмой, драконом и рыцарем! Ты не знаешь, на чьей ты стороне, и не можешь понять, правильны ли твои действия. Ты против карандаша, но без него ты ведь никто. А он без тебя — лишь кусок деревяшки с грифелем. Вместе же вы единое целое: творцы нового мира, созданного из простых линий на гладкой белой бумаге. Ты уже зависишь от этого. Назад пути нет, а будущего ты все равно не узнаешь. Ты властен управлять лишь карандашным миром, но, увы, не способен предугадать, что случится в настоящем.

- Весьма интересная история, — растягивая слова, проговорил профессор в белом халате и очках, надвинутых на самый кончик носа.
- Боюсь, вам нужно будет пройти еще пару тестов, а пока вам придется остаться у нас до тех пор... э-э-э... пока мы не уладим вашу проблему со странным противостоянием между вами и карандашом. Весьма любопытно, весьма, — снова произнес профессор, держа в руке старенький огрызок карандаша и с задумчивостью глядя куда-то вдаль.

13. ШИЗОФРЕНИЯ

- Не зли меня! — выкрикнула она, яростно сжав руку в кулак и потрясая им перед самым моим носом. Жалкое зрелище, но она верила, что это выглядит устрашающе. Она топала ногами и истерично стучала по столу, но я был все так же нем и просто смотрел на нее непроницаемым взглядом. Я понимал, что все зашло слишком далеко,

но продолжал молчать, осознавая всю нелепость сложившейся ситуации.

- Шизофрения снова не может взять себя в руки? — прозвучал тихий и спокойный голос над самым моим ухом.

- Да, но сегодня я ей просто так не дамся, — так же едва слышно произнес я.

- Рано или поздно она все равно совладеет с тобой. Ты ведь ее уже видишь, а это не к добру. Чего же ты ждешь?

- Я хотя бы смогу немного потянуть время, — задумчиво постукивая кончиками пальцев по оконному стеклу, ответил я своему незримому собеседнику.

Не зная, куда смотреть и откуда исходит голос, я закрыл глаза и опустил в кресло.

- Тебе лучше обратиться к врачу. Он может помочь тебе.

- Из тебя не самый лучший советчик, внутренний голос, — усмехаясь, сказал я. — Сомневаюсь, что врачи мне поверят, если услышат всю правду. Я разговариваю со своим сознанием, а в гостях у меня надолго засела истеричная дамочка Шизофрения. Абсурдно.

- Как знаешь. Я думал, ты умнее. Лучше бы ты начал действовать сейчас, а не сидел сложа руки, ожидая, что все само собой пройдет. Но дело твое.

Я сидел над одной из книг и, не вникая в смысл написанного, рассеянно перелистывал страницы. Одиночество было лишь началом, всего лишь предвестником большой беды. Дальше все стало гораздо хуже. Появилась она — одна из страшнейших напастей человеческого

разума. Она высосет из меня все соки, возьмет меня измором и не успокоится, пока не превратит меня в беспомощного овоща или опасного безумца.

- Проклятая шизофрения! — растягивая слова, крикнул я. — Живым ты меня не возьмешь, просто так ты меня не получишь! Убирайся!

- Дорогой, боюсь, ты не сможешь мне ничем помешать. Слишком поздно — я уже не никуда не уйду, — слегка шепелявя, слащавым тоном промурлыкала Шизофрения.

Безликая, не имеющая образа, она внушала страх и оставляла после себя неприятный, какой-то жуткий осадок, который с каждым днем становился все хуже. Шизофрения буквально поглощала меня, найдя брешь, надежно зацепившись и пустив корни в моем разуме.

Я давно уже не выходил на улицу — слишком боялся, что люди увидят, каким я стал и в какое чудовище превратился. О да, она умеет изменять людей до неузнаваемости. Чертовое психическое расстройство не только медленно убивает мозг — оно стремительно разрушает привычную тебе внешность. Смотря в зеркало, ты больше не видишь своего лица. Ты видишь лишь...

- Ты вообще ничего не видишь! — громко рассмеялась своим истерическим смехом Шизофрения, прервав мои размышления, которые, как оказалось, я озвучивал вслух.

Мрачно посмотрев в сторону ненавистной мне Шизофрении, я резко встал с кресла и решительно направился в другую комнату. Гадкое создание не давало мне покоя и не отпускало меня ни на минуту. Лишь когда ко мне вновь возвращалось сознание и своим успокаивающим

голосом заводило со мной разговор, шизофрения хотя бы ненадолго отступала.

- У меня появилась идея — не самая лучшая и, пожалуй, последняя, — холодно и как всегда спокойно проговорил внутренний голос.

- Надеюсь, ты не посоветуешь мне снова обратиться к врачу, — со странным, непривычным мне блеском в глазах произнес я.

- Нет. Я вижу, что болезнь все-таки овладела тобой. Не до конца, но я знаю, что дальше будет только хуже. Надо покончить с этим раз и навсегда. Сдайся этому паразиту! — заметно повысив голос, что было из ряда вон выходящим, крикнуло сознание. Эти слова звонким эхом отдались в моих ушах. Я с ужасом осознал всю суть страшного предательства. Голос внутри меня оказался обычным изменщиком. Единственный мой соратник, разделяющий тяжелое бремя, предал меня, перешел на сторону врага и продал своего хозяина.

- Вы все заодно... — чувствуя, как мой голос постепенно теряется и исчезает, застревающая холодными комьями в горле, прохрипел я. — Ты на ее стороне. Это конец.

- Ты прав, мой дорогой друг, — тысячами голосов шептала шизофрения, разрывая на кусочки мое сознание и довольно улыбаясь пустым, бесконечно огромным, сделанным из кусочков зловещей тьмы ртом. — А теперь пора спать. Ты проиграл эту битву. На колени, жалкий человек!

- Ну уж нет, — отрывисто, уже не слыша своего голоса, попытался выкрикнуть я.

Глаза чудища испуганно расширились, когда я прислонил холодное острое лезвие к своему горлу, готовясь выполнить последний обет и

выбрать единственный оставшийся путь — любой ценой избавиться от самой жуткой и страшной твари на свете, не сравнимой ни с одной из существующих или выдуманных человеком бед. Слова, так и не появившиеся на свет, быстро таяли, превращаясь в уже никому не слышный свистящий шепот.

5. КОГДА НАСТУПАЕТ НОЧЬ

Темно. Лишь узкая полоска света видна из-под двери. Обычная дверь, а ведь умеет сдерживать такую неуловимую вещь, как свет. Дверь не дает ничему ни попасть внутрь комнаты, ни выбраться из нее. Эдакая ловушка для наивных, которые надеются, что дверь способна защищать.

Комната — надежная крепость, способная устоять перед любым штурмом. Окно — не менее важный атрибут комнаты — источник света, отпугивающий тьму и заставляющий ее искать новое пристанище. Оно гораздо эффектнее любой, даже самой яркой лампы. Но вот одна загвоздка: ведь окно-то может быть занавешено — надежно запечатано тяжелыми шторами, цель которых — не дать проникнуть ни единому лучику света. И вот тогда наступает настоящее торжество темноты. Ведь теперь она может сгуститься плотным кольцом вокруг кровати.

Кровать-лодка в океане, состоящем из лоскутков тьмы, — единственное, что способно держать опасность на безопасном расстоянии. Но ведь в любой лодке может оказаться пробоина.

И, наконец, хозяин комнаты — моряк, способный управлять лодкой; самодовольный король, засевший в своей неприступной крепости, уверенный в своей непобедимости и безопасности. Будь то взрослый